

УДК 398.54(571.54/55)

Рецепция образов Китая на территории Забайкальского края: факторный анализ

А. В. Жуков, А. А. Жукова

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. Статья посвящена теме, связанной с исследованием аспектов менталитета населения, находящегося в условиях российско-китайского приграничья на территории Забайкалья. Авторы раскрывают сущность понятий «менталитет забайкальцев» и «мифологический образ» и исследуют особенности восприятия образов китайцев и Китая массовым сознанием некитайских народов этого приграничного региона. Цель и новизна работы определяется тем, что она является первой попыткой комплексного исследования феномена мифотворчества в отношении Китая на территории Забайкалья. Результатом работы является выделение авторами основных факторов воспроизводства и распространения мифологических образов Китая. Авторы предлагают в качестве аспекта исследования процессов влияния культуры Китая феномен «границы культуры Китая», которая не только создает преграду, но одновременно служит точкой соприкосновения различных народов, культур и языков, тем самым формируя наиболее активную зону мифотворчества о Китае.

Ключевые слова: менталитет забайкальцев, мифологические образы Китая, граница культуры Китая, историко-культурные идентификации, этнокультурное взаимодействие, приграничный регион, межкультурный диалог.

Интерес к Китаю актуален в Забайкалье, так как эти территории находятся в непосредственном контакте и здесь особенно ощущается присутствие мощной цивилизации с ее пятитысячелетней историей и богатейшей культурной традицией. Огромное внимание к текущим событиям, происходящим в соседней державе, неизменно сопровождается интересом к идеологии и культуре древнего и средневекового Китая, к прошлому великого китайского народа [16, с. 3]. Современные россияне, проживающие на территории Забайкалья, являются наследниками как русской, так и восточной культуры, поэтому влияние на них образности, связанной с Китаем, имеет глубокие корни и связь, проявляющуюся через региональные архетипы и традиции мировосприятия. Предметом нашего анализа являются ментальные конструкции, распространенные среди населения Забайкалья и содержащие информацию о Китае и китайцах, понимаемые нами как мифологические образы. В статье нам необходимо ответить на вопрос: в результате воздействия каких обстоятельств забай-

кальцы видят Китай одним образом, а китайцы – другим? Почему у населения Забайкалья сложилась особая традиция видения образа этого народа?

Приступая к анализу содержания менталитета забайкальцев, мы соглашаемся с тем, что менталитет есть и сложившаяся социальная психология, и индивидуальная система ценностей [11, с. 39], которая отличается своеобразием не только у отдельных людей, но и у различных социальных и гендерных групп населения [4, с. 56]. Под словом «менталитет» мы будем понимать совокупность миропредставлений и умонастроений, присущих отдельным людям либо группам людей и объясняющих все то, что происходит в окружающем мире. Портрет национального и группового менталитета задается социальными представлениями, включающими эмоциональные, рациональные и сверхрациональные понятия. Исследователи отмечают наличие неотъемлемой связи менталитета с языком, употребляемым каким-либо населением, так как язык является отражением в памяти развития его менталитета [7, с. 37].

Мы полагаем, что факторами, влияющими на развитие менталитета, являются такие обстоятельства, как геополитические условия бытования групп населения, их культурные контакты, а также опыт, позволяющий по-иному трактовать происходящие события, осуществлять прогноз, планирование и мотивацию своих дальнейших действий. Наиболее очевидным ответом на вопрос о том, почему способы мировидения и менталитет разных народов отличаются друг от друга, является утверждение о том, что они не совпадают в сфере знаковых систем, языка, который хранит и развивают эти системы [20, с. 91]. В языковых проявлениях обыденной жизни через такие явления, как одушевление идей, персонификация судьбы, материализация горя, превращение аргумента в некое оружие люди зачастую демонстрируют проявления мифологического сознания. Именование этих общностей сохраняется в письменных источниках, по которым мы и узнаем о существовавших названиях народов, т. е. историко-культурных идентификациях, отражающих представления соседей об их сути [11, с. 30]. Нужно учитывать, что современные методологические разработки мифотворчества относят к мифу как ту часть общественного сознания, в которой человек с древности переносит на природные объекты свои собственные свойства, приписывая им жизнь и человеческие чувства, так и более современную часть мировоззрения, когда отвлеченному, т. е. непонятному, приписываются свойства одушевленной природы, самого человека либо чего-то, что человеку противостоит.

Одной из важнейших функций менталитета является восприятие себя и окружающих народов. В менталитете народа создается собственный образ, под которым мы понимаем совокупность чувственных сигналов, изоморфных содержанию объекта-оригинала и субъективно переживаемых в качестве самого объекта [28, с. 167]. Образ проявляется как легенда, хранящаяся в наивной картине мира, и, как и любая другая легенда, она является мифом. Несколько огрубляя, можно утверждать, что чаще всего в мифах о себе народ идентифицирует себя с представлением о «Я» – высокоорганизованной и отличающейся положительными характеристиками общности «своих» людей. С древности эти общности находились в окружении других людей, понимае-

мых как «чужие» и даже «не-люди». Восприятие образов «другого» в науке традиционно связывается с функционированием мифологического мышления, основным способом функционирования которого считается перенос, отождествление различно задуманных содержаний, точнее мифологических образов.

О том, что у русских и китайцев – разный менталитет, многие забайкальцы знают на собственном опыте. Туристические и деловые поездки в Китай позволяют уловить экзотику, кроме этого, отчасти позволяет улавливать отличия разнообразная видеопродукция о Китае: это новостные сообщения СМИ, документальные и художественные фильмы. О специфике китайского менталитета узнают благодаря сопоставительному изучению на бытовом уровне знаковых систем российской и китайской культур – ритуалов, архитектуры, кухни, языка. Это бытовое изучение доказывает, что русские и китайцы по-разному воспринимают одни и те же вещи. Например, для китайцев государство всегда представляло собой и продолжение родовой структуры общества, и олицетворение религиозной жизни, когда административные документы понимались как священные скрижали богов. Напротив, для русских государство выступает в образе неуклюжего и свирепого медведя,двигающего громоздкую, неэффективную, но опасную для человека машину [30, с. 146].

Таким образом, необходимо отметить, что наличествует существенная разница между этими мировоззренческими системами. Следствием этого является овеществленный в образах набор ассоциаций, идентификация которых связана с необходимостью воспринять и осмыслить феноменальность Китая через обыденную жизнь и реальность россиян. Китай в данном случае является тем, что находится по другую сторону границы. Жизнь его обитателей воспринимается как жизнь обитателей потустороннего мира, и в сознании россиян она является, во-первых, отражением мира реального, окружающего россиян, во-вторых – через обращение к фантазии и вымыслу, действие которых основано на наблюдении за Китаем и китайцами и на основе опыта общения с ними [9, с. 7]. Соответственно, формирование абстрактных обозначений, выражающихся в повествованиях и дающих конкретизированные оценки в отношении Китая, происходит позже, и определение их значения зависит от личностных убеждений авторов.

На процессы проникновения мифологических образов Китая в сознание населения Забайкалья исторически влияло несколько факторов, наиболее значимым из которых является геополитическое положение этого региона. Он занимает одну из наиболее стратегически значимых зон Евразии, сформированную на границе взаимодействия крупнейших природно-ландшафтных районов субконтинентов Центральной внутритропической и Северной Азии [27, с. 4]. Крупнейшую из сопредельных восточных цивилизаций для Забайкалья представляет Китай. Его северные рубежи являются контактными зонами религиозного, межкультурного общения с культурами народов региона [14, с. 43]. Несмотря на всю цивилизационную специфику китайцев, которые с древности выделяются своим менталитетом, религией, жизненными идеалами, культурными ценностями, традициями, языком и т. д., исторически су-

существует область этнокультурного взаимодействия между Китаем и окружающими народами.

Это область сопряжена с понятием межгосударственной и культурной границы. В контексте дискурса, посвященного анализу взаимодействия сознания народов Забайкалья и китайской культуры, необходимо выделить такие его аспекты, как «видимый» и «перспективный», т. е. «заграничный». Как пишет С. Н. Булгаков, продукты мифотворчества конституируют встречу и границу между мирами: имманентным – обыденного сознания и недостижимым [5, с. 116]. Они играют существенную роль в синхронном определении параметров взаимодействия. Кроме того, они являются маркерами, разделяющими данное пространство на два полюса. В нашем случае один полюс соответствует обыденной реальности, в которой живут народы Забайкалья, на другом помещается Китай, основным атрибутом образа которого всегда была непостижимая тайна китайской культуры. «Граница» является наиболее существенным элементом описания этого пространства. При этом понятие границы двусмысленно, так как только с одной стороны она является разделителем, но с другой – соединяет с пока еще не познанным. Ю. М. Лотман отмечает, что граница, разбивающая мир личности на внутреннее («свое») пространство и внешнее («чужое»), дает начало религии и культуре [19, с. 483], но фактически она дает начало мифу. На границах с Китаем она является наиболее творческой точкой мифообразования о Китае.

Феноменальное сознание человека есть зона пограничья, и в этом контексте оно становится пространством бытования разнообразных мифологем, связанных со сферой, которая находится за границей. Данное обстоятельство связывает такие понятия, как «миф» и «тайна», раскрытые в монографии В. М. Найдыша. Применительно к пограничной реальности с Китаем теоретические положения В. М. Найдыша позволяют нам сказать, что «миф о Китае» как тайна, находящаяся за границей с Китаем, составляет экзистенциальное измерение человеческого бытия по эту сторону границы. Тайнственность событий, происходящих за границей, является существенным моментом для инициации мифотворчества. Инструментом мифотворчества в данном случае будет рациональное разрешение противоречия «тайны о Китае», находящейся за границей, и «проблемы, которую представляет Китай», находящейся по эту сторону границы. Доступность возможности рационально объяснить существование тайны определяется иррациональной потребностью переживания тайны со стороны сознания людей, проживающих по эту сторону границы [24, с. 533]. Иначе говоря, в жизни человека существуют разнообразные ситуации, когда ему становится необходимо указать на нечто, не поддающееся рациональному объяснению, но результат диалога с тем, что находится за границей, не представляется чем-то очевидным. Тогда в дело вступает мифотворчество, а когда за границей находится Китай, в дело вступает мифотворчество о Китае.

Вторым важным фактором, обуславливающим возникновение мифотворчества о Китае на территории Забайкалья, является факт использования языка, в котором люди смешивают в единое целое сознательные и бессозна-

тельные слои своего сознания. Уже в период складывания основ антропологического знания Э. Тэйлор обосновал положение, согласно которому различные этносы живут, подчиняясь одним и тем же закономерностям, выполняя задачи выживания, безопасности, продолжения рода и благоденствия. С этим согласен А. Маслоу, сформулировавший универсальную модель потребностей, в которой не обнаруживается национальной специфики [21, с. 64]. Позитивные данные социальных наук говорят о том, что в конкретном, а не в придуманном, мифологизированном мире много схожего. Отличия раскрываются в том, как различные люди, используя язык, описывают свое бытие, т. е. в их образах и мифах.

В контексте проблематики межкультурного взаимодействия, проходящего в зоне китайского приграничья, важно понять, что у народов Забайкалья длительное время происходило тесное взаимодействие с китайской цивилизацией. Однако, несмотря на довольно длительное и плотное соприкосновение этих культур, китайских слов в языки забайкальских этносов проникло довольно мало. Особенно мало их в русском языке [23, с. 25]. Это объясняется тем, что в большинстве случаев межэтнического общения китайцы сами учили обычаи и языки народов, с которыми им приходилось налаживать контакт. Таким образом, они практически извлекали все выгоды из своей цивилизованности, оставляя непросвещенным соседям возможность объясняться и думать о себе на родном языке [26, с. 206]. В частности, русские Забайкалья всегда старались общаться с китайцами на русском, не стараясь учить китайский, что влекло за собой проблемы интерпретации, т. е. перевода, и являлось предпосылкой для этнического мифотворчества. Примером, который символизирует эту тенденцию, является история посольства казака И. Петлина, привезшего в 1619 г. из Китая грамоту императора Чжу Ицзюня, в которой император разрешал русским направлять посольства и торговать в Китае. Из-за незнания русскими китайского языка грамота десятки лет лежала в посольском приказе непереуверенной и представляла собой неразрешаемую загадку (до тех пор, пока Н. Спафарий не перевел ее), в результате чего в русский язык вошло устойчивое выражение «китайская грамота» [13, с. 41]. Сегодня повествования, отражающие представления о том, каким народом являются китайцы, распространенные на уровне обыденного, массового сознания, с высокой степенью вероятности необходимо определять как миф хотя бы той причине, что представления и словесные выражения китайцев о самих себе отличаются от них. Поэтому проведение сравнительных операций этих противопоставленных друг другу представлений является практически важной задачей.

Третьим фактором проникновения образов Китая в Забайкалье является то, что начиная с бронзового века территории региона включились в процесс развития центральноазиатской цивилизации, представляя собой отдельную историко-культурную область [22, с. 126]. Со своей стороны, пространства, прилегающие к озеру Байкал, на протяжении длительного времени являются одними из значимых и интересных для Китая, который неизменно претендует на усиление своего влияния в Центральной Азии. Интересы китайцев на территории Забайкалья в этот период сталкивались с племенами тюрко-, монго-

ло- и тунгусоязычных кочевников [6, с. 5]. Несмотря на то что эти племена с древности отличались воинственностью и неуправляемостью, между ними и Китаем неизменно проходили процессы взаимодействия и обмена различными мифологическими идеями [9, с. 8].

С того времени как центральноазиатские страны, их культуры и религии исторически оказывают воздействие на сознание народов Забайкалья, образность, берущая истоки в китайской культуре, начинает проявлять себя в наиболее значимых мировоззренческих символах [12, с. 7]. С древности Китай является источником своеобразного китайского мифотворчества. Данный феномен связан с огромным количеством рассказов о богах, незримых духах и героях, которые оказывают глубокое влияние на ум и сердца людей, и не только китайцев [3, с. 245]. Исследования показывают, что на образность народов Забайкалья, так же как и народов Центральной Азии, существенное влияние оказали две идеи, берущие начало в культуре Китая. Наиболее заметное место принадлежит идее поклонения Небу в лице императора, выступающего в образе сына Неба. У народов региона она выступила в качестве культа Вечно Синего Неба и героя, рождаемого девственницей. Вторая идея, пришедшая из Китая, была связана с распространяемым ламаистскими священниками поклонением локальным духам и духам предков и культом тибетского буддизма, который на территории Забайкалья был поддержан маньчжурским правительством [1, с. 18].

В-четвертых, важным фактором, определившим особенности процессов проникновения и усвоения китайских образов населением Забайкалья, стало присоединение этих территорий к России в XVII в. и их дальнейшее совместное существование. Россия является одним из крупных многонациональных государств, сохраняющих специфические особенности народных и религиозных культур. Крупнейшим народом России являются русские [18, с. 306], которые, по разным причинам прибывая на территорию Забайкалья, сталкивались здесь со сложившимся мировоззренческим комплексом, элементом которого в течение долгого времени были образы и символы, связанные с Китаем. Важно, что интеграционные процессы в регионе приводили к тому, что в условиях совместного выживания представители различных этносов и религий формировали определенное ментальное единство, включающее вероятность смешанного сосуществования различных мировоззренческих конструкций. Сегодня на территории Забайкалья проживают россияне, среди которых выделяется два основных субъекта межэтнического общения – русские и буряты. Два народа давно знают друг друга, история их тесного межгруппового общения насчитывает более трехсот лет. Поэтому, несмотря на то что среди них и отмечается наличие сложной сети идентификаций, тем не менее, преобладающей является общая идентификация, определяющая и тех и других как «россиян», к которой присоединяются и другие этнические группы. К настоящему времени большинство этнических групп, вступивших в процессы активного взаимодействия в XVII–XIX вв., на территории Забайкалья слились во внешне единую территориальную общность, именуемую «забайкальцами» [8, с. 175].

Термин «забайкальцы» не только означает местожительство, забайкальцам присущ свой менталитет [15], основной характеристикой которого является толерантность, сложившаяся как результат взаимодействия различных миров. В основе сообщества забайкальцев – отражение общности и, вместе с тем, признания этнического много- и разнообразия народов, населяющих этот край. Вместе с этим все эти группы на территории региона выделяют одного этнического соседа, который находится на этой же территории, но, тем не менее, всегда понимается как «чужой» – это китайцы. По отношению к «чужому» между забайкальцами распространяются разнообразные виды этнических «стереотипов» и предубеждений. Для нас важно осознание того, что мы проводим исследование процессов восприятия образа «чужого», который воспринимается, а затем репрезентируется в сознании народов и людей, понимаемых нами как «свои».

Пятым фактором развития упомянутых процессов межконфессионального взаимодействия в современном Забайкалье являются процессы взаимодействия между мировой глобализующейся, российской и китайской культурами [29, с. 176]. Тенденции к глобализации социокультурной жизни приводят многих забайкальцев к отказу от прежних мировоззренческих ориентиров и кризису национальной и культурной идентичности. В связи с изменением ценностных ориентаций подвергаются переосмыслению ценности традиционной жизни и поиск новых, действенных ценностей. Среди них ценности, предлагаемые Китаем, одной из ведущих цивилизаций мира, его культурой и религиями, занимают далеко не последнее место [3, с. 245]. Начало XXI в. для забайкальцев ознаменовалось усилением влияния Китая, экономическая и культурная экспансия которого проявляется во многих сферах мировой цивилизации [25, с. 131]. Это обстоятельство подметил известный китаист А. Г. Ларин, согласно мнению которого, для россиян характерна обеспокоенность активностью граждан Китая на территориях, которые все больше выпадают из сферы российских интересов [17, с. 94]. Это объективно приводит к всплеску мифотворческой активности вокруг этой страны, ее культуры, этнических представителей.

Подведем итоги:

1. Идейное взаимодействие народов Забайкалья с Китаем, приведшее к заимствованию ряда культурных моделей и явлений, обеспечивает высокий уровень конструирования и распространения среди них мифологических образов Китая. Причиной этого является ментальный процесс дистанцирования себя от «других», через который «некитайцы», находящиеся в контакте с китайцами, пытаются осмыслить свою непохожесть и свое отличие от соседей, утверждая свою идентичность. Вместе с этим данный процесс свидетельствует об особом характере китайской культуры и мировоззрения его носителей, изначально задающих мифологический контекст явлениям, связанным происхождением с Китаем. Мифологические образы Китая присутствуют в большинстве сфер жизни населения на территории Забайкалья, и этот факт свидетельствует о многообразии и разнообразии китайской культуры.

2. Основным результатом работы является выделение авторами основных факторов воспроизводства и распространения мифологических образов

Китая, среди которых выделяется геополитический фактор, указывающий на пограничное положение региона между Россией с ее ориентированными на Европу культурой и языком, и Китаем, чье влияние длительное время является преобладающим в Центральной Азии. Распространению мифологических образов Китая способствуют: различие менталитетов и языков у населения, проживающего по разные стороны границы с Китаем; исторические процессы, связанные с периодом длительного вхождения Забайкалья в ареал центральноазиатской цивилизации, где значительное влияние имело китайское мифотворчество; присоединение этих территорий к России в XVII в. и их дальнейшее совместное существование; современные процессы распространения мировой глобализирующей культуры.

3. Результатом исследования является выделение такого аспекта межкультурного взаимодействия не китайских народов с Китаем, как влияние «границы культуры Китая», которая не только создает преграду, но и одновременно служит точкой соприкосновения различных культур и языков. Тем самым она формирует активную зону воспроизводства и распространения мифологических образов Китая. Таким образом, практическое значение имеет введение в научный оборот понятия «приграничное формирование мифологических образов Китая», которое предполагает не только его исследование с целью мониторинга процессов восприятия образов Китая, но и возможность проведения мероприятий с целью формирования и изменения количественного и качественного содержания образов Китая в сознании населения приграничных территорий.

Список литературы

1. *Абаев Н. В.* «Тэнгрианство» и «Ак-Чаян» как духовно-культурная основа кочевнической цивилизации тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая и Центральной Азии / Н. В. Абаев, В. Р. Фельдман, Л. К. Хертек // Социальные процессы в современной Западной Сибири : сб. науч. ст. – Горно-Алтайск, 2002. – С. 10–18.
2. *Баиров А. С.* Шаманизм в социокультурной традиции бурят : дис. ... канд. филос. наук / А. С. Баиров. – Чита, 2006. – 153 с.
3. *Бертронг Д.* Мудрецы и бессмертные. Религии Китая / Д. Бертронг // Религии мира : справочник религий. – Минск, 1994. – С. 245–247.
4. *Бодрийар Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийар. – М. : Республика ; Культура. революция, 2006. – 269 с.
5. *Булгаков С. Н.* Свет невечерний: Созерцания и умозрения / С. Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
6. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – 633 с.
7. *Васильева К. К.* Менталитет: онтоэтнологическое измерение (на примере бурятского этноса) / К. К. Васильева. – М. : Рус. мир, 2002. – 200 с.
8. *Васильева К. К.* Менталитет социокультурных обществ Забайкальского края / К. К. Васильева, С. А. Мельницкая. – Чита : ЧитГУ, 2008. – 210 с.
9. *Вернер Э.* Мифы и легенды Китая / Э. Вернер. – М. : Центрполиграф, 2007 – 400 с.
10. *Витковская Г. С.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии / Г. С. Витковская, Ж. А. Зайончковская // Перспективы Дальневосточного региона: межстрановые взаимодействия : сб. ст. – М., 1999. – С. 80–120.

11. Голованивская М. К. Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые мировоззренческие концепты французов и русских / М. К. Голованивская. – М. : Языки славян. культуры, 2009. – 376 с.
12. Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии / А. Д. Грач. – М. : Наука, 1980. – 256 с.
13. Демидова Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае. Роспись И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. – М. : Наука, 1966. – 156 с.
14. Еремкина Т. А. Традиции межэтнических отношений в региональном измерении на примере Забайкальского края / Т. А. Еремкина // Современная мировая политика: проекции из Азии : сб. ст. – Чита, 2010. – С. 43–45.
15. Константинов М. В. Забайкальцы [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. – URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/concepts/?id=1949> (дата обращения: 12.11.2013).
16. Конфуцианство в Китае. Проблемы теории и практики : сб. ст. / отв. ред. Л. П. Делюсин. – М. : Наука, 1982. – 264 с.
17. Ларин А. Г. Российско-китайские отношения и китайские мигранты в оценке россиян (продолжение) / А. Г. Ларин // Проблемы Дальнего Востока. – 2008. – № 6. – С. 81–95.
18. Логинов А. В. Поликонфессиональность российской цивилизации / А. В. Логинов // Российская цивилизация. – М., 2003. – С. 306–310.
19. Лотман Ю. М. Семiosфера / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство, 2000. – 704 с.
20. Лурия А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – М. : МГУ, 1979. – 320 с.
21. Маслоу А. Х. Мотивация и личность / А. Х. Маслоу. – СПб. : Евразия, 1999. – 478 с.
22. Михайлов Т. М. Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века / Т. М. Михайлов. – Новосибирск : Наука, 1989. – 183 с.
23. Морозова В. С. Региональная культура в социокультурном пространстве российского и китайского приграничья : автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / В. С. Морозова ; Забайк. гос. ун-т. – Чита, 2013. – 43 с.
24. Найдыш В. М. Философия мифологии. От античности до эпохи романтизма / В. М. Найдыш. – М. : Градарики, 2002. – 544 с.
25. Озорнина А. С. Региональные практики КНР и китайское социокультурное пространство / А. С. Озорнина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 3 (9) : в 3 ч. Ч. 1. – С. 131–134.
26. Осокин Г. М. Московия на Востоке / Г. М. Осокин. – М. : ДИ Танаис, 1996. – 221 с.
27. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-восточное Прибайкалье) / Л. В. Лбова [и др.]. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.
28. Рахматуллин Р. Ю. Понятие образа / Р. Ю. Рахматуллин, Э. Р. Семенова, Д. З. Хамзина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2012. – № 12, ч. 2. – С. 167–170.
29. Соловьева Н. А. Коммерциализация культуры национальных меньшинств КНР / Н. А. Соловьева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 11 (37): в 2 ч. Ч. 2. – С. 176–179.
30. Тарасова Е. А. Национальные особенности образа власти в культуре современной России и Китая: сравнительный анализ / Е. А. Тарасова // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы 2-й междунар. науч.-практ. конф. – Благовещенск, 2012. – С. 140–146.

Reception of Images of China on the Territory of Zabaikalsky Krai: Factor Analysis

A. V. Zhukov, A. A. Zhukova

Trans-Baikal State University, Chita

Abstract. The article deals with the research of mentality of the population that live on the territory of Trans-Baikal in the borderlands of Russia and China. The authors reveal the nature of such concepts as "mentality of the Trans-Baikal population" and "a mythological image". They focus on the perception of images of China and its population by the non-Chinese nations on the borderlands territory and further reflection of these images in their collective consciousness. The purpose of research and its relevance are determined by the fact that it is the first attempt to undertake a complex study of a myth-making phenomenon concerning China in the Trans-Baikal territory. The outcome of the research is emphasis on main factors of re-production and transferring mythological images of China. As an aspect of the research of the influence of Chinese culture, the authors suggest a phenomenon of "the border of Chinese culture", which being an obstacle, at the same time is a common ground for different nations, cultures and languages, thereby it forms the more active zone of myth-making about China.

Keywords: mentality of the Trans-Baikal population, mythological images of China, "the border of Chinese culture", historical and cultural identification, ethno-cultural interaction, borderlands, cross-cultural dialogue.

Жуков Артем Вадимович

*доктор философских наук, профессор,
кафедра философии*

*Забайкальский государственный
университет*

*672039, г. Чита, ул. Александро-
Заводская, д. 30, Общий отдел,
НОМЦ*

тел.: 8(3022)324174

e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Zhukov Artem Vadimovich

Doctor of Sciences (Philosophy),

Professor, Department of Philosophy

Trans-Baikal

State University

Administration Department, Science Museum

Center of Trans-Baikal State University, 30,

Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039

tel.: 8(3022)324174

e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Жукова Алена Алексеевна

*старший научный сотрудник, научно-
образовательный музейный центр*

*Забайкальский государственный
университет*

*672039, г. Чита, ул. Александро-
Заводская, д. 30, Общий отдел,
НОМЦ*

тел.: 89244705332

e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Zhukova Alena Alekseevna

Senior Research Worker,

Science Museum Center

Trans-Baikal State

University

Administration Department,

Science Museum Center, 30, Alexandro-

Zavodskaya st., Chita, 672039

tel.: 89244705332

e-mail: kazarbina_a@mail.ru